

Я на него не в обиде

Слышал я, что есть штука такая одна. Волшебная. Телевизор называется. Но никогда я его «вживую» не видел. Говорили, по нему кино можно смотреть. Сидя у себя дома, представляете?! В тепле, на диване, без толкотни. Да еще бесплатно! А то клуб у нас в деревне маловат и привезут какое хорошее кино — все, места точно не будет. Даже если и найдется, неудобно смотреть: экран мне загораживают, совсем неинтересно слышать только звук. Не могу я сделать замечание впереди сидящему высокому мужчине, чтобы тот хотя бы шапку мохнатую свою снял. Потому что он большой дядя, а мне — всего лишь шесть лет. То есть было тогда столько.

Короче, беда как хочу ту всемогущую вещь увидеть.

А однажды мы с мамой поехали в районный центр, к ее родной сестре. Лично я отправился туда с безмерно большим желанием, ибо знал, что у них как раз есть та самая великолепная штука. Мама рассказывала, что тетя родилась здесь, но выросла в городе, там вышла замуж и через какое-то время они переехали жить в район.

Как только мы вошли в дом, я тут же начал глазами искать телевизор. А у них квартирка, скажем прямо, очень небольшая. Вторая половина дома, за стеной живут другие люди. В нашей деревне такого нет. Даже в колхозных домах. Жилище, как и подобает квартире, разделено на кухню, спальню и зал. А в башкирских деревнях так не перегораживают, хотя дома, в основном, большие. И поэтому как заходишь в дом, все внутри сразу видно. За исключением, конечно, тех огромных изб, которые по центру имеют капитальную бревенчатую стену.

А тут мы сначала попали в крохотную прихожую. Слева — вешалка для одежды. Справа, через невысокую дощатую стенку, — умывальник. Дальше прямо — кухня. Еще дальше — спальня. Посередине — печь. Слева, между ней и вешалкой — дверь в зал. Вот там, в комнате пошире, с двумя окнами, и находился, оказывается, телевизор, в дальнем углу стоял. Но до него я дошел несколько позже. Потому что хозяйева хоть и в городе жили, а деревенского гостеприимства не лишились — тут же, с ходу, позвали на пельмени, запах которых я, кстати, почуял еще в чулане. Вернее, тетя позвала, муж ее еще был на работе.

Кушаю я быстро. Особенно пельмени. Потому что они удобны для употребления. С ними не надо возиться, как с супом. Тем более что те, которыми нас угощали, заметно мелкие. Края загнуты волнисто. Красиво. Мама их редко делает, и без излишеств. Они у нее крупные получаются. Если положить рядом куриные и перепелиные яйца, разница будет примерно такой же. А редко лепит, потому что мясорубки у нас нет. Мяса много, на выбор, а пропустить не на чем.

Съел я добрую порцию «перепелиных яиц» и начал беспокойно ерзать на стуле — мне скорее охото найти тот телевизор и посмотреть кино. А сейчас время как раз «киношное», очень боюсь пропустить. Тут, в поселке, сегодня оно обязательно должно быть — когда шли, я афишу видел.

— Сиди спокойно. — Мама моя всегда ласковая, добрая, мягкая. Очень и очень любит меня. Я знаю, хотя она ни разу не говорила об этом вслух. Но это только дома. При людях она по отношению ко мне становится ужас как строгой. Боится, чтобы я чего нехорошего не натворил: чужую вещь не поломал, на полу не наследил, во взрослый разговор не встрял.

Тетя встала на мою защиту:

— Иди пока, в зале побудь, на чай позовем.

Я прыгнул с высокого самодельного без спинки стула и побежал в зал, на встречу с прекрасной, таинственной вещью.

Однако ее не было. Радиоприемник, тот да, есть. Его я знаю. У нас он тоже есть. Правда, маленький. На стене висит. Говорит тихо и неясно, все больше шуршит. А этот на полу, на ножках стоит тоненьких. Мне кажется, он вот-вот упадет. Как только что родившийся ягненок. Много клавиш. Сверху — проигрыватель, который пластинки крутит. Об этом я узнал, конечно, потом, через несколько лет. И не здесь.

Стало грустно. Домой захотелось. А что мне еще тут делать? Дома мне хорошо. Дома можно делать все. Здесь ни к чему нельзя притрагиваться. По крайней мере, чувствую это по взгляду мамы. Да и когда ехали, ясно предупредила. У них тут вообще непонятно — прибрано, чистенько, но по квартире ходят в тапочках. Даже кот ограничен в правах: у него определенное спальное место за печью, малюсенькое. И столовая только там, где умывальник. Сейчас его в квартире нет, гуляет, наверное, но я слышал об этом от мамы. А наш кот, вот тот чувствует себя хозяином даже больше, чем мы. Он толстый, важный и высокомерный. Спит, где хочет. Кушает, что хочет. Захочет сырую картошку, например, и будет ее есть. Он с чужим мнением что хорошо или нехорошо, не считается. Подойдет к моей маме, которая чистит картошку, и выпросит. И я пробую кусочек. Мы зимой в дом даже ягнят запускаем. Они кудрявенькие, веселые. Я играю с ними. Кот смотрит на нас то ли с завистью, то ли с недовольством.

Скоро пригласили пить чай. Я снова забрался на высокую табуретку и удостоверился в том, что стол довольно богат.

С чаем я также справился молниеносно. Хотя, с учетом обилия магазинных сладостей, можно было выпить еще одну пиалу. Тем более пиалы у них мелкие, не то, что у нас. У нас выпьешь, так выпьешь — целый день сытый бегаешь. Да, можно было. И мама же строго не смотрела. Да и с конфетами я не частил.

Нет, не буду, не о них я думаю. Я думаю о телевизоре.

Опять заерзал на стуле.

— Иди, — сказала мама. — Скажи спасибо и иди.

— Спасибо!

— Расти большой! — Тетя с любовью похлопала меня по спине.

Но я не отхожу от стола. Мама моя умная, все без слов понимает, вот и сейчас догадалась, что я в чем-то остро нуждаюсь — вопросительно кивнула.

— Тельвизыр, — шепчу я ей на ухо.

— А-а-а, — улыбнулась.

И несмело обратилась к сестре:

— Хочет... телевизор... посмотреть.

У сестры на лице досада:

— Ой, а он у нас не работает...

«То есть как не работает? — хочется крикнуть мне. — Я же ради него только и приехал. Как он вообще может не работать, он же не трактор какой-нибудь колхозный, который все время ломается? Он же волшебный! Он же кино показывает, дома его показывает. Берет из клуба и переносит в дом. Как я ягнят...»

— Сломался он. Как переехали, сразу перестал показывать. Что-то, видать, перегорело. Тут же постоянные скачки напряжения. — Хозяйка то ли оправдывалась, то ли делилась с сестрой своими далеко идущими мыслями. Мне кажется, ей не нравится тут жить. Она вся какая-то городская. И выглядит так, и говорит культурно.

— А где он? — негромко спросил я, невольно потянув носом — обида слезами вытекала из моей души.

— А вон там. Пойдем, покажу.

Все пошли в зал. Хозяйка с небольшого возвышения на столе аккуратно подняла желто-зеленую бархатную ткань. Под ним я и увидел экран. Сейчас, конечно, не помню, вернее, и тогда не знал, какой марки был телеприемник. Маленький, но мне показался красивым. А еще — чуть обиженным. Как велосипед, брошенный куда попало внезапно отвлекшимся другой игрушкой ребенком. На самом деле, нет, не брошен он, конечно, его берегут, под бархатом держат. А ему, наверное, хочется видеть людей, солнце, жизнь. А люди как раз от солнца и защищали, оказывается, я потом узнал — чтобы прямые лучи не попадали на его «лицо», не портили.

— Вот. Только не включается, зараза. — Тетя чуть подвинулась и стала смотреть на аппарат, скрестив на груди ухоженные руки.

Я подошел ближе и, вопреки строгому взгляду мамы, погладил ладошкой экран. Он был выпуклый, гладкий и холодный. Провел рукой еще раз, это в знак извинения за то, что его только что обозвали нехорошим словом.

Так и не удалось мне тогда посмотреть телевизор. А самым интересным было то, что я искренне думал, что по нему показывают именно тот фильм, который в этот день идет в сельском клубе. Этим он и увлекал меня. Я желал быть в роли киномеханика, в роли этого, ну как тут еще скажешь, да, безусловно, счастливого.

Потом детство закончилось. Вместе с ним и мои наивные представления ушли. Не знаю я, что стало потом с тем «тельвизыром», отремонтировали ли его. Может и наладили. Уже в городе. Потому что тетя со своим городским мужем вскоре снова уехала на прежнее место жительства.

Но я на него не в обиде. Думаю, он обязательно показал бы мне тот, афишированный около магазина фильм. Он хотел, я знаю, я уверен. Не мог только.